

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

кандидат философских наук, заведующий
сектором истории и теории социологии
Института социологии НАН Украины

АЛЕКСАНДР РЫБЦУН,

ассистент кафедры политологии и социологии
Каменец-Подольского национального
университета им. Ивана Огиенко

**Украинская социология:
общественно-исторический и идеологический
контексты развития**

Abstract

In the paper, the peculiarities of the development of Ukrainian sociology in the context of social, historical, ideological and political transformation of Ukrainian society from the end of 19th century up to the current period are studied. At the base of historical-sociological studies and the archive materials, firstly involved in scientific usage, the authors characterize the historical stages and social logics in the development of Ukrainian sociology in the framework of Ukrainian humanities. There are distinguished proto-sociological, academic, the early Soviet, the Soviet and the current periods in the development of Ukrainian sociology, the historical specificity and social-political logics of appearance in functioning of sociological sciences are characterized.

The authors conclude that the self-reflexivity of sociology in its historical context is an actual prerequisite for identification of problems and perspectives of the development of Ukrainian sociology as the sphere of science and social expertise, forming its educational tradition, values and standards of sociological community. At the same time, the contextual research of the history of sociological thought turns out to be the historical-sociological study of socio-structural, political, economical, and cultural factors that have conditioned the corresponding sociological orientations and approaches.

Изучение формирования любой социологической традиции привлекает внимание исследователей к контекстам ее развития, прежде всего историческим и идеологическим. Эти контексты значимы и для понимания ло-

гики становления украинской социологии — предмета нашего анализа. В данной статье мы рассмотрим отдельные аспекты этого процесса на фоне исторических трансформаций украинского общества — общественных, идеологических и политических. Попытаемся выявить закономерности, исторические этапы и общественную логику развития социологии, которая до сих пор остается молодой научной общественно-гуманитарной дисциплиной в корпусе отечественного обществоведения. Такая историко-социологическая саморефлексия крайне важна также для определения проблемных моментов и очерчивания перспектив отечественной социологии как сферы научного знания, как формы социальной экспертизы и как научно-образовательной традиции; мы обратимся к ее институциям и коллективам, а также к формированию ценностей и профессиональных стандартов социологического сообщества.

Однако изучение истории социологической мысли и традиций — это одновременно и историческое исследование общественных обстоятельств, развития социально-структурных, политических, экономических, культурных причин и факторов формирования тех или иных социологических ориентиров и подходов. Уже первые социологические теории О.Конта и Г.Спенсера формировались вместе со становлением буржуазных общественных отношений. Последние требовали секулярных, или *позитивных*, то есть лишенных всяких религиозных или идеалистических наслоений объяснений законов исторического общественного развития, предпосылок эволюции раннего буржуазного общества и особенностей его функционирования. Таким образом состояние и тенденции развития разных сфер современного украинского общества в социологическом исследовании можно объективно исследовать и проинтерпретировать исходя из социологического понимания (в частности исторически зафиксированного и интерпретированного в социологии того времени) традиций прежнего социального уклада, институциональных, политических, культурных и социально-структурных остатков советского прошлого. Эти инерционные социально-исторические феномены проявляются в особенностях ценностных ориентаций общества, его политической культуры, в этосах и практиках повседневной жизнедеятельности людей. Итак, социология с момента своего возникновения формировалась и развивалась как *историко-контекстуальная* наука.

История доказывает, что социологическая наука развивается там и тогда, где и когда возникает общественная потребность в объективном самопознании общества, в понимании законов и факторов его развития. Эта потребность становится особо актуальной в периоды глубинных общественных трансформаций, подобных историческим трансформациям от традиционного к модерному обществу в Европе начиная с конца XIX века. Общественная ситуация начала XXI века в Украине с ее многомерными трансформациями является не менее стимулирующей, а значит, отечественная социология имеет хорошие шансы для дальнейшего развития и утверждения. Однако развитие науки — не линейный процесс. Манипуляции с общественным мнением, коммерциализация науки, политико-инструментальное использование социологического знания и его пародирование в непрофессиональных исследованиях способны вызывать общественное предубеждение в отношении социологии. Какой должна быть социология в ответ на подобные вызовы развития? Воспользуется ли отечественная социология благоприятными шансами? Станет ли она полноправной частью ми-

ровой социологии? Из-за ограниченного формата публикации мы не сможем здесь исчерпывающе ответить на все эти вопросы. Но даже обозначить и актуализировать эти темы, на наш взгляд, будет полезно.

Украинская социология: в поисках традиции

Устоявшимся подходом к периодизации истории отечественной социологии является выделение протосоциологического, академического, раннесоветского, советского и современного периодов ее развития¹. С момента утверждения украинской социологии в статусе самостоятельной научной дисциплины в начале 1990-х годов применение данной схемы должно было соответствовать ее потребности в собственной истории и традиции, помогать ее самоидентификации и аргументировать потребность во внешнем признании. Однако это не решает проблемы национальной идентичности отечественной социологической науки, прежде всего из-за отсутствия у нее обоснованной социологически артикулированной традиции. В отличие от Франции (А.Мосс, Э.Дюркгейм), Германии (М.Вебер, В.Зомбарт, Г.Зиммель), Польши (Ф.Знанецкий), США (Чикагская школа, Дж.Мид, Т.Парсонс), в Украине, несмотря на весьма продуктивный период социологических начинаний рубежа XIX–XX веков, в силу исторических, политических и идеологических обстоятельств так и не удалось сформировать непрерывную историческую традицию социологического знания, сохранить и развивать социологическую науку как самостоятельное объективное учение об обществе. Разрыв и упадок отечественной социологической традиции характерен для 1930–1950-х годов.

Но это не означает, что украинское гуманитарное знание исторически было изолировано от основных тенденций развития мирового, в частности европейского, обществоведения. Именно на стыке XIX–XX веков — в период, когда в Европе формируется социологическое знание и социология утверждается как полноценная наука — украинская общественная мысль активно воспринимает социологические идеи того времени. В этом смысле трудно переоценить подвижнические усилия Михаила Грушевского (почитателя идей О.Конта, Э.Дюркгейма и В.Вундта) во внедрении, популяризации и адаптации идей европейской социологии в отечественном гуманитарном знании. Эти попытки изложены в его работе “Начала гражданства, или генетическая социология”, изданной в эмиграции в Вене в 1921 году. Следует также отметить социологические подходы и социолого-политические идеи в творчестве М.Драгоманова, С.Подолинского, Б.Кистяковского, В.Липинского [Бурлачук, Молчанов, Степаненко, 1996]. История украинского обществоведения отмечена весомыми достижениями в области этнографии и этнологии, представленными, в частности, в творчестве отечественных ученых Н.Зибера, Н.Сумцова, М.Ковалевского, Ф.Вовка. Заметим также, что именно достижения в этой сфере знаний — в традиции “культурной антропологии” — стали ощутимым толчком к развитию европейской, в том числе британской, социологии.

¹ Схожей исторической периодизации, за исключением раннесоветского периода, придерживаются практически все современные историки отечественной социологии, она же является стандартом в учебниках для вузов.

Вместе с тем, учитывая преимущественно западноевропейское происхождение социологической науки и, естественно, наиболее устоявшуюся традицию ее развития именно в западных обществах уже на рубеже XIX–XX веков социологию рассматривали как универсальную науку (без национальной дифференциации). Встал вопрос о ее способности не только объяснять, но и предложить модель оптимального общественного развития. Впрочем, по мнению И.Валлерстайна, такая “универсализация” социологического знания основывалась на объективации общества западного типа, “другие”, незападные, становились предметным полем культурной антропологии, востоковедения и т.п.

Рубеж XIX–XX веков стал периодом начального развития украинской академической социологии. Основное внимание было направлено на создание оригинальных концептов обоснования права украинской нации на национальную самоидентификацию. Историческая трансформация от “национальной” к “универсалистской” (читай: западнцентричной) парадигме развития социальных наук, включая социологию, в определенной мере объясняет и теоретические трудности украинских социальных ученых. Сумев приспособить к собственным исследованиям социологическую методологию, они столкнулись с трудностями применения теоретических моделей, созданных для изучения “типичных” развитых индустриальных обществ, и, согласно логике развития социологической науки того времени, вынуждены были ориентироваться в основном на междисциплинарные и этнографические исследования.

В итоге артикулированная, устоявшаяся научно-социологическая традиция в Украине на пороге XX века не утвердилась в полной мере. Ведь традиция в науке предполагает прежде всего преемственность и школу. Впрочем, гораздо корректнее признать, что в самом начале развития социологической традиции в Украине оно было прервано политико-административным путем, украинская протосоциология так и не развилась в зрелую науку; эти корни в политическую эпоху советской власти 1920–1930-х годов не прижились на родной почве. Поэтому по иронии истории первая отечественная социологическая институция — Украинский социологический институт — был основан М.Грушевским в 1919 году в Вене. Позже Н.Шаповал (1882–1932), украинский ученый и общественный деятель, которого по праву можно считать едва ли не первым отечественным профессиональным социологом, в 1924 году основал в Праге другой социологический институт — Украинский институт гражданства. Научные работы и социологические идеи М.Грушевского, Н.Шаповала и их коллег в полной мере не были приобщены к отечественному социологическому наследию и не вошли в достаточной степени в научный оборот современной украинской социологии.

Раннесоветский период истории отечественной социологии характеризуется как попытками полноценной институционализации ее как науки, так и постепенным свертыванием социологических начинаний в процессе трансформации социологических подходов от все еще не приспособленных к отечественным реалиям парадигм западного позитивизма и неокантианства к марксистско-ленинской доктрине как единственно истинному социальному учению. Крайне противоречивый и своеобразный, этот период, казалось бы, не только не оставил преемникам “полезного наследства”; он уничтожил все достижения добольшевистской эпохи. Однако еще почти десятилетие (в течение 1920-х годов) социология в советской Украине (как и в

других советских республиках) все же добивалась признания, развиваясь в двух параллельных направлениях: как социологически ориентированное обществоведение, представители которого предпринимали попытки организационно институционализировать европейскую классическую социологическую традицию в Украине, и как марксистская социология.

И хотя намерение М.Грушевского перевести Украинский социологический институт из Вены в Киев не увенчалось успехом, тем не менее в стране с конца 1920-х до начала 1930-х годов создается сеть первых социологических центров, в частности в структуре Всеукраинской академии наук создаются кафедры и комиссии, которые работали по плану Украинского социологического института: секция методологии и социального обоснования истории при научно-исследовательской кафедре истории Украины (под руководством О.Гермайзе), кабинет примитивной культуры при этой же кафедре (под руководством дочери М.Грушевского Екатерины), комиссия культурно-исторического наследия и истории песенности при историко-филологическом отделении Всеукраинской академии наук (см.: [Кондратик, 1996: с. 25–31]). Одновременно активно развивается и начинает доминировать марксистская социология, средоточием которой в Украине становятся философско-социологическая секция при созданном в Харькове Украинском институте марксизма-ленинизма, отдел социально-экономических наук АН УССР, научно-исследовательская кафедра марксизма-ленинизма на базе марксистско-ленинского семинара при АН УССР (см.: [Черниш, 2004: с. 478–487]). В 1921 году в Харькове была создана еще одна институция — Всеукраинский институт труда под руководством Ф.Дунаевского. Поскольку этот центр изучал проблемы и координировал деятельность лабораторий труда в сферах промышленного производства и транспорта в разных ее аспектах (от психофизиологических до социальных и организационных), то деятельность этого института в какой-то мере заложила исторический фундамент для дальнейшего развития социологии труда в бывшем СССР и в Украине в частности — направление социологических исследований советской социологии, доминировавшее в 1960–1980-х годах.

Впрочем, учитывая политические и идеологические обстоятельства, первые ростки отечественной социологической науки в ее попытках воспроизводства классической европейской традиции были в то время обречены. Ведь революционное общество ранней советской эпохи, управление которым опиралось на коммунистический политико-идеологический дизайн и руководящие партийные директивы, довольно долго не нуждалось в социологии как объективной науке о законах и закономерностях общественного развития. Потому и вдохновенные организаторские усилия М.Грушевского по утверждению социологической науки в Украине не получили дальнейшей поддержки, а в начале 1920-х годов в коммунистической России “нежелательным” для пребывания в стране стал и П.Сорокин. В этот период гуманитарные и социальные советские науки попадают под навязчивую политико-идеологическую опеку руководящих партийных органов. Анализируя состояние дел в Украинской академии наук в конце 1920-х годов, госкомиссия пришла к выводу о “недоразвитости социально-экономических отделов, где не изучаются на должном уровне экономика, финансы, социология, советское право; идеологический характер работ не связывается с *новой марксистской социологией*” (курс. нап. — В.С., О.Р.) [История АНУ, 1993:

с. 52]. Этот вывод на практике оказался предвестником разгрома социологической науки (в том числе и марксистской) в последующие годы в Украине.

Сейчас трудно спрогнозировать, как бы происходило дальнейшее развитие отечественной социологии, если бы удалось обеспечить последовательное развитие ростков традиции, появившихся в тот академический период, если бы удалось перейти от первых научных попыток к выработке собственных оригинальных теоретических концепций. И. Валлерстайн, анализируя стадии развития мировой социологии, отмечает, что уже после окончания Второй мировой войны в условиях объективной необходимости в США восстанавливаются страноведческие и региональные исследования, что ставит под сомнение господствующую идентификацию социологии как науки исключительно о “типичном” западном обществе [Wallerstein, 1999]. К сожалению, в то время в Советском Союзе даже термин “социология” уже находился под грифом запрета.

Украинская советская социология: фаза “реабилитационного” становления

Уже с конца 1950-х годов можно говорить о постепенном вызревании даже в бывшем Советском Союзе объективной общественной потребности в позитивном общественном знании.

По-разному можно оценивать феномен “советской социологии”, однако факт остается фактом — современная украинская социология на новом этапе своего становления формировалась в лоне советской социологической традиции. Уточним: формально (но не фактически) отечественную социологию следует характеризовать как науку, ориентированную на проблемы украинского социокультурного сообщества и легитимированную как национальная социология с конкретного исторического периода — провозглашения независимой Украины в 1991 году. При таком подходе история украинской социологии предстает влетенной в историю общего процесса национального возрождения. Однако было бы наивным представлять появление и развитие целого научного направления как вспышку или как точно фиксируемое событие, как, например, рождение ребенка. Современная украинская социология, даже с учетом этого важного исторического этапа ее институционализации в конце 1980-х — в начале 1990-х годов, возникла не вдруг. Она развивалась как составная часть *единой советской социологии*.

Причины усиления интереса к социологическому знанию и его легитимации в СССР были сложными и разнообразными. Стала явной потребность в чем-то, хотя бы подобном обратной связи “всезнающего и всемогущего” руководящего центра с обществом. Объективно усложнялись все виды управления общественной жизнью, что уже не укладывалось в догматические схемы коммунистического административно-политического планирования. И наконец, даже в Советском Союзе социогуманитарная наука не стояла на месте и в определенной мере воспринимала мировые тенденции развития социального знания, включая социологию. Очевидно, что новая интерпретация одних только идеологических догматов не была в полной мере *знанием*, потребность в котором актуализировалась в силу необходимости анализа, планирования и прогнозирования социального развития.

Логику развития социологии в послевоенном СССР можно понять, если учитывать взаимодействие следующих общественных факторов, про-

цессов и акторов: 1) общественная потребность в объективном социальном знании; 2) постоянное противоборство этого знания с идеологией; 3) мировые влияния на развитие общественных наук, в частности на социологию как в основном “западную науку” в бывшем СССР; 4) активность людей, которые выбирали путь научной социологии, отстаивая (даже неосознанно) и утверждая ее автономный и самодостаточный научный статус.

Публичные предложения о “реабилитации” социологии в СССР появляются в первые годы после смерти Сталина, еще до известного XX съезда (подр. см.: [Альберг, 1994: с. 88–114]). Так, в 1955 году в центральном советском философском журнале “Вопросы философии” публикуется статья В. Немчинова “Социология и статистика” с обоснованием необходимости (постольку, поскольку это не противоречит марксистско-ленинской философии) осуществления конкретно-социологических исследований на теоретической базе исторического материализма.

В это время действительно возникает объективная потребность в социальной информации, которую полнее всего могла предоставить именно социология. Как справедливо отмечает российский исследователь Р. Альберг [Альберг, 1994: с. 88–114], во второй половине 1950-х годов, на завершающей фазе индустриализации советская общественная система приобрела более сложные формы, нежели предполагалось марксистской моделью общества. Социальные процессы, вызванные быстрым развитием индустрии, с одной стороны, не поддавались объяснению по законам исторического материализма, а с другой — оказались неподвластными советской хозяйственной бюрократии, абсолютно к этому не подготовленной. Ни традиционные административные меры, ни моральные апелляции уже не могли остановить социальную мобильность, которая ставила под сомнение как саму идею, так и практику хозяйственного планирования. Хозяйственники вынуждены были признать, что ничего не знают о причинах роста миграционных процессов в промышленности и других отраслях. Властной номенклатуре, в свою очередь, пришлось согласиться на использование научных средств получения важной для планирования информации о мотивах миграции населения и текучести рабочей силы в экономике.

Во второй половине 1950-х годов несколько смягчилась также внешнеполитическая доктрина Советского государства, в частности в том, что касалось восприятия концепции возможного мирного конкурентного сосуществования государств с разным общественным строем. Это был еще один фактор, который способствовал реабилитации социологии в бывшем СССР. Именно в 1956 году советская делегация впервые приняла участие во Всемирном социологическом конгрессе, проходившем в Амстердаме. Непосредственное общение с зарубежными коллегами, “проба сил” в научных дискуссиях советских ученых обнажили методологическую слабость и мифологизированность, свойственные законсервированному во времени советскому обществоведению. Вместе с тем эта “проба сил” подтолкнула отечественных социальных исследователей (называем так не только украинских ученых, но и представителей других республик советского государства) к адаптации новых идей и подходов, активизации усилий для получения по-настоящему объективного знания.

Как видим, к концу 1950-х годов сложились максимально благоприятные условия для возрождения социологии в СССР: потребность в достоверном социальном знании со стороны власти и общества, определенная либе-

рализация политического режима и реформаторская направленность высшего государственного руководства (так называемая Оттепель), налаживание творческих контактов с зарубежными научными центрами и потребность в научной среде, которая бы не находилась в самоизоляции. Возобновление утраченных позиций в это время происходит довольно быстро. В сентябре 1957-го и в январе 1958 года в Москве проходят Международные социологические конференции по вопросам мирного сосуществования, в июне 1958 года создается Советская социологическая ассоциация. В конце того же года в монографии советского академика Г.Александрова “История социологии как наука” термин “социология” впервые за последние десятилетия использован вне контекста идеологического “очернения”. В 1960 году создаются первые в стране социологические научные подразделения (сектор новых форм труда и быта при Институте философии АН СССР, реорганизованный в 1966 году в отдел конкретных социологических исследований) и социологическая лаборатория при Ленинградском госуниверситете, с 1960 года начинается реализация первых масштабных социологических проектов, которые концентрировались в основном в крупных городах и промышленных центрах бывшего СССР: в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Киеве, Днепропетровске, Харькове и др. [Новикова, 2000: с.140–141; Осипов, 2004: с. 25–30].

Советская социология в это время развивалась в двух основных направлениях: (1) как академическая дисциплина, которая, однако, подчинялась методологии исторического материализма и формировалась преимущественно в академических центрах страны и (2) как конкретно-эмпирические исследования, особенно в сфере социологии труда или в форме так называемой промышленной или заводской социологии. Именно социологические проблемы труда, трудовой мотивации и профессиональных ориентаций определяют по крайней мере на два советских десятилетия (1960–1980) основной вектор развития теоретико-прикладных социологических исследований всей советской и в частности украинской социологии. Идеологические и практические проблемы формирования новых стимулов в социалистическом производстве — и в этом смысле, безусловно, социальный запрос советского государства к социологии и социологам, не только в определенной степени легитимировал существование советской социологии, но и давал возможность первым советским социологам совершенствовать теоретико-методический и эмпирический инструментарий своей науки.

Новые тенденции в области социального познания постепенно распространяются и в республиках, в том числе в УССР. В 1960-м при Институте философии АН УССР была создана первая в Украине группа социологических исследований, которая уже осенью этого года начала активные конкретно-социологические исследования на одном из киевских заводов [ДАИФ: оп. 1, д. 344, л. 8, 88–99¹]. В последующие годы практика проведения подобных исследований получает распространение [ДАИФ: оп. 1, д. 593, л. 2; д. 871, л. 50–54], они становятся источниковедческой базой для

¹ ДАИФ (Документальный архив Института философии НАН Украины) — это внутренний архивный ресурс, фондохранилище которого состоит из 3 описей. Ресурсы архива впервые введены в научный оборот соавтором статьи при работе над диссертационным исследованием “Украинская социология: традиции, факторы, ориентиры развития (60-е годы XX — начало XXI века)”.

научных статей, книг, диссертаций. К примеру, в 1964 году в Киеве издается монография Л.Сохань “Коммунизм и духовный мир личности”, в которой широко использованы данные социологических исследований; в 1966-м в Одессе появляется коллективный сборник “Из опыта конкретно-социологических исследований”; в том же году отдел атеизма Института философии АН УССР представляет коллективную монографию (также основывающуюся на конкретно-социологическом исследовании) “Основные тенденции и реакционная сущность идеологического приспособленчества современного религиозного сектантства”. Оставляем без комментариев отдельные идеологические aberrации публикаций того времени — важно то, что в этих и других изданиях уже активно использовались данные и материалы конкретно-социологических исследований.

В этот период становления социологической науки, помимо ее теоретико-методологических проблем, давали о себе знать кадровые, организационные, институциональные трудности молодой науки. Недостаток кадрового ресурса побуждает к стимулированию подготовки специалистов, которые бы разбирались в методике проведения конкретно-социологического исследования. Так, в 1966 году Ученый совет Института философии АН УССР рекомендует к защите ряд диссертаций, подготовленных с использованием материалов социологических исследований: П.Гопченко “Реакционная роль современной адвентистской эсхатологии”; А.Капто “Общественная активность как моральная черта строителя коммунизма”; И.Стогний “Трудолюбие как моральное качество личности”; Ю.Сикорский “Эстетическая ценность техники и ее зависимость от характера современного материального производства” [ДАИФ: оп. 1, д. 593, л. 2; д. 871, л. 50–54], а в течение 1967–1969 годов было подготовлено уже более десятка *социологических*, во всяком случае по форме использования социологических данных, диссертаций¹. В конце 1960-х годов в Киеве увидел свет первый специализированный сборник научных работ с характерным названием “Социология в Украине”. Нам, нынешним, легко иронизировать по поводу качества социологии того времени, порой представлявшей собой странноватый микс реального социального знания, апологии социально-экономической и политико-административной практики и мировоззренческих и теоретических основ так называемой “буржуазной социологии” как “позитивной науки об обществе”. Ведь единственной официально признанной методологической, философской и мировоз-

¹ Например, диссертации О.Ерышева “Опыт социологических исследований религиозности (актуальные проблемы атеистического воспитания)”, В.Чудновского “Особенности духовного облика современного верующего и пути повышения эффективности научно-технической пропаганды (на материалах конкретно-социологического исследования)”, И.Бадицы “Свободное время как фактор роста культурно-технического уровня советских рабочих в период строительства коммунизма”, А.Валуйского “Участие рабочего класса в управлении социалистическим производством (конкретно-социологическое исследование на материалах предприятий Донецкой области)”, В.Оссовского “Общие и специфические факторы развития производственной демократии”, М.Рентюк “Социологические проблемы взаимосвязи воспитательных функций общества и семьи”, К.Грищенко “Взаимоотношения руководителя и подчиненных как социально-этическая проблема”, Н.Масловского “Изменение структуры интересов колхозного крестьянства в условиях строительства коммунизма”, В.Тихоновича “Активность личности и формирование материальной заинтересованности в работе (социально-психологический аспект)”.

зренческой основой советской социологии был именно *исторический материализм* как неотъемлемая часть марксистско-ленинской философии.

Итак, несмотря на довольно быстрые стартовые темпы времен либерального “шестидесятничества”, достичь последовательного и безболезненного становления настоящей социологической науки в Украине не удалось. Главная причина этого — политико-идеологические барьеры и стремление власти не допустить краха одного из оплотов советской идеологии — исторического материализма. Поняв, что реальную опасность представляла социология в формате полноценной самостоятельной науки, с момента ее возрождения провластные идеологи разворачивают довольно жесткую борьбу за уточнение границ ее предмета, методологии и иерархического подчинения в структуре советских социальных наук. В итоге уже в 1962 году на ежегодном собрании АН СССР ответственный в секретариате ЦК КПСС за науку И.Ильичев четко определил, что советская социология — это не самостоятельная наука, а всего лишь методы и техника социологического исследования (см.: [Альберг, 1994: с. 102]).

Не стал неожиданностью отголосок такой позиции и в Украине. На общих собраниях отдела экономики, философии, истории и права АН УССР, посвященных итогам работы за 1963 год, в итоговом постановлении отмечается: “Коренным образом улучшить разработку методологических проблем общественных наук... Крайне необходимо объединить усилия философов и представителей специальных общественных наук для разработки методологических проблем конкретно-социологических исследований. Исходной базой для разработки методологических проблем и подъема методологического уровня всех исследований по общественным наукам является теория марксизма-ленинизма, исторические решения XX, XXI и XXII съездов партии и Программа КПСС...” [ДАИФ: оп. 1, д. 504, л. 17].

Парадоксальность ситуации, когда, с одной стороны, довольно быстро разворачиваются процессы научного становления социологии, а с другой — ее максимально тормозят, признавая всего лишь “эмпирическим наполнителем единственно верной теории”, привела к серьезному расколу в среде советских обществоведов. Более десяти лет (1960-е — начало 1970-х) в социологическом научном сообществе велись дискуссии о предметной сфере социологии, основным содержанием которых было выяснение отношений между социологией и истматом. Предлагались самые разнообразные варианты выхода из ситуации: признать дуализм философии и социологии в рамках истмата, распределить между историческим материализмом, прикладной социологией и научным коммунизмом разные сферы общественных отношений, выделить социологию в отдельную самостоятельную науку (см.: [Чагин, 1971: с. 194–196; Соколова, 1997: с. 351]). Временной точкой в споре послужила трехуровневая модель, предложенная Г.Глезерманом, В.Келле и М.Пилипенко (1972), согласно которой официально была признана следующая структура социологии:

- 1) исторический материализм как общесоциологическая теория и методологическая основа всего обществоведения;
- 2) отраслевые социологические теории (которые рассматривались авторами как разделы научного коммунизма);
- 3) конкретные социологические исследования — прикладной инструментарий сбора социологической информации.

Начало 1970-х годов — период возобновления идеологических репрессий против социологии: разгром Института конкретно-социологических исследований (ИКСД) в Москве, гонения на самых активных ученых, свертывание отдельных исследовательских направлений. Это начало “эпохи серости” в советской социологии, как охарактеризовал ее российский эмигрант-социолог В.Шляпентох (см.: [Батыгин, 1998: с. 23–38]). Это были времена, когда заниматься теоретико-методологическими проблемами социологии стало даже опасно — истматовские догматы закреплялись обычными для советской политико-административной системы силовыми методами. Весьма показательной для того времени была травля за “теоретическое вольнодумство” авторитетного российского социолога Ю.Левады. Аргументы идеологического остракизма приведены в докладной записке Московского городского комитета КПСС по результатам обсуждений курса лекций Ю.Левады: “Лекции не базируются на основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии — истмате и диамате. В них отсутствует классовый, партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности, не освещается роль классов и классовой борьбы как решающей силы развития общества, не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы, отсутствует критика буржуазных социологических теорий” (цит. по: [Пугачева, 1994: с. 158–172]). Резонансный случай, однако не единственный, а скорее показательный в отношении судеб преступавших запрещенную предметно-методологическую “границу”, что ставит тем самым под сомнение “сакральные” политико-идеологические доксы.

Анализируя архивную базу Института философии НАН Украины, мы нашли документ [ДАИФ: оп. 1, д. 915, л. 46–50], который свидетельствует об аналогичной ситуации, в которой оказался сотрудник этого Института в то же время и по тем же причинам, что и Ю.Левада. Старшего научного сотрудника отдела истории философской и социологической мысли на Украине В.Губенко в конце 1970 года жестко раскритиковали на одном из заседаний отдела. Поводом для критики В.Губенко стала его статья “Методологические проблемы истории философии”, которая была опубликована несколькими годами ранее и вошла в сборник материалов конференции по истории философии в Харькове еще в 1967 году. Из критики становится понятно, что В.Губенко “допустил формалистические, схоластические толкования, что является проявлением некоторых его увлечений *неопозитивистскими методами*” (здесь и далее курс. наш. — В.С., О.Р.); способному ученому “...мешает увлечение *ненужной терминологией*”, “он проявил *стремление к решению проблем* диамата, а не истории философии”. Итоговое постановление в комментариях не нуждается: “1) осудить методологические ошибки В.Губенко в его работе; 2) признать нецелесообразным пребывание В.Губенко на должности старшего научного сотрудника отдела истории философской и социологической мысли на Украине; 3) просить дирекцию использовать В.Губенко как научного работника на другой должности”. Нам попался только один документ из этого дела, поэтому трудно проследить всю логику его причинно-следственных связей, кроме разве что констатации — в 1968 году старший научный сотрудник В.Губенко в списках сотрудников отдела уже не значился.

Рецепции и критика как форматы развития отечественной социологии

Двойственное и противоречивое методологическое положение социологии в этот советский период, с одной стороны, привело к практике теоретико-методологической “контрабанды” социологических техник и методологий конкретного социологического исследования из накопленного технического арсенала мировой эмпирической социологии, а с другой — легитимировало дозволенное ознакомление с западными фундаментальными или макроуровневыми социологическими теориями в формате *марксистско-ленинской критики* “буржуазной социологии” как составной части “буржуазного обществоведения” (впрочем, нередко “критики” как довольно ритуальной процедуры в рамках введения или предисловия советских социологических публикаций на темы социологической теории).

Критика зарубежных наук в советское время была обязательным специализированным направлением для всех социогуманитарных дисциплин. Не была исключением и советская социология — критическая оценка “буржуазной социологии” проводилась на протяжении всего ее советского периода. Вместе с тем именно “критика” оказалась едва ли не единственно возможной формой коммуникации советской социологии с мировой, способом ее вхождения, пусть и деформированным, в мировой социологический контекст, а значит, необходимой и важной фазой ее собственного развития.

Обозначим основные разновидности этого формата “критики”, что поможет полнее показать ее вклад в общесоциологическое развитие:

- наиболее распространенной формой, к которой вынуждены были прибегать практически все советские социологи, была обязательная негативно-критическая оценка творчества упоминавшихся в публикациях западных авторов, даже в случае использования их концепций в собственных исследованиях¹;
- публикация аналитических статей и монографий, в которых с позиций марксистско-ленинской критики освещались концептуальные взгляды западных специалистов;
- выступления на международных, общесоюзных и республиканских конференциях, симпозиумах, конгрессах, во время разноформатных встреч с зарубежными учеными, когда удавалось апробировать критическую оценку их творчества в ходе дискуссий.

Сам критический формат советской социологической коммуникации с миром также имел ряд особенностей его исторического развития. Критика послевоенных, идеологически суровых времен заметно отличалась от критики-ритуала начала-середины 1980-х годов.

Как уже отмечалось, возрождение социологии в СССР стало возможным во времена хрущевской либерализации, а непосредственно в Украине эти процессы начались только в начале 1960-х годов. Центром этого стал Институт философии АН УССР. Как свидетельствуют документы, уже в

¹ Практически все официально изданные научные работы советского периода служат подтверждением этого тезиса; все авторы должны были включать в текст элементы “ссылки на марксизм-ленинизм” и “критики буржуазных ученых”. Только нелегальный самиздат позволял себе “роскошь” не придерживаться этой нормы.

1957 году “критика современных буржуазных философии и социологии” была одним из основных направлений деятельности этого Института [ДАИФ: оп. 1, д. 219, л. 1], а уже к концу 1960-х при Институте существовал специальный “критический” отдел — современной зарубежной философии. Одной из первых его разработок стала тема “Актуальные проблемы критики современной буржуазной философии” (в этом контексте разрабатывали, в частности, и теоретико-социологическую тему “Теория “конвергенции” в современных буржуазно-философских и социологических системах”). В 1972–1975 годах отдел работает над проблемой “Антикоммунизм и его философия личности”, с 1975 года начинается разработка проблемы “Исследование и критический анализ современной буржуазной идеологии”, в контексте которой одна из тем имела теоретико-социологический характер — “Критика современных буржуазных теорий развития общества” [ДАИФ: оп. 1, д. 1144, л. 85–86].

В начале 1980-х годов документы снова фиксируют по крайней мере ритуальную значимость критики для советской науки. Так, на XI пятилетку Институту философии (который, повторим, послужил первоначальной организационной структурой и для отечественных академических социологов) были определены следующие задачи “величайшего теоретического и практического значения” [ДАИФ: оп. 1, д. 1342, л. 2]:

- исследование теоретических проблем развитого социализма, закономерностей его перерастания в коммунизм;
- разработка проблем совершенствования общественных отношений, формирования нового человека, развития социалистического образа жизни, изучения проблем общественного мнения;
- изучение проблем научно-технической революции;
- развертывание критики антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских теорий, выявление фальсификаторов идей марксизма-ленинизма.

Однако уже в конце 1960-х годов появляются первые основательные монографические исследования украинских ученых, в которых посредством формата критики подается аналитический обзор немарксистских общественных и социологических теорий. Примерами такой подачи являются монографии М.Полищук “Нравственный идеал (критика отдельных буржуазных социологических и этических теорий)” (1969), В.Табачковского “Критика идеалистических интерпретаций практики” (1976), Е.Соболь “Критика философских концепций американской “культурной антропологии” (1978) и др.

Как отмечалось, в советский период редкие встречи отечественных ученых с зарубежными коллегами тоже, по крайней мере ритуально, были обозначены форматом апробации критических оценок их творчества в ходе дискуссий. Хотя сами эти встречи, безусловно, содействовали распространению альтернативных (отличных от истматовского) методологических подходов в социологической науке и весьма эпизодическому непосредственному взаимодействию отечественных ученых с представителями западной социологии. Один из первых примеров подобных контактов — встреча научных сотрудников Института философии АН УССР с президентом Международной ассоциации социологов профессором Ж.Фридманом (январь 1958 года). В мае 1964-го с сообщением о направлениях и методике конкретно-социологических исследований в США в Институте философии выступил мэтр мировой социологии Т.Парсонс, в 1974-м Украину посетил

вице-президент Международной социологической ассоциации Р.Тернер, а в 1984-м — президент Международной ассоциации исследователей будущего Э.Мазини (см.: [Рыбцун, 2006: с. 341–351]).

Характерен и еще один момент, связанный с “критическим форматом” развития отечественной социологии, а именно его функция латентного просвещения отечественных ученых, расширения их социологического и гуманитарного мировоззрения. Советские критики “буржуазной социологии”, возможно, сами того не желая, становились распространителями актуальной научной информации и даже приветствовали ознакомление отечественных социологов с теоретическими идеями “идеологического противника”. Например, О.Бахитов, заместитель директора Института философии АН УРСР (29–30 мая 1958 года), характеризуя недостатки борьбы с “буржуазной идеологией” и ссылаясь на необходимость лучше ориентироваться в проблемных полях “оппонента”, приводит в качестве примера свой опыт глубокого изучения проблем западной микросоциологии (Дж.Морено, Г.Гурвича) с целью их дальнейшей эффективной критики [ДАИФ: оп. 1, д. 264, л. 165–178]. Другой пример просвещения через критику — практика подготовки теоретических докладов научных сотрудников и аспирантов Института философии УССР 1970–1980 годов, как правило, с целью изложения их на заседаниях отделов. В ходе анализа уже упоминавшегося архивного массива найдено немало образцов таких докладов, что свидетельствует об определенной системности данного подхода и практики в среде первых украинских профессиональных социологов [ДАИФ: оп. 1, д. 1224, л. 26–29].

С середины 1980-х годов, когда в бывшем СССР начались “перестроечные” либеральные реформы, украинская социология тоже переживает весьма важные трансформации. Для отечественной социологии они начались, когда постановлением Президиума АН УССР № 76 от 23 февраля 1984 года в составе Института философии АН Украины было создано отделение социологии, объединившее в своей структуре все ранее существовавшие социологические отделы Института [ДАИФ: оп. 1, д. 1540, л. 2]. Продолжением институционального оформления отечественной социологической науки стала декларация Президиума Академии о создании на базе социологического отделения Института философии нового самостоятельного академического подразделения — Института социологии АН Украины в октябре 1990 года (впрочем, едва ли можно утверждать, что и сегодня, в первом десятилетии XXI века, украинская социология завершила собственную “перестройку”). На фоне дальнейших, более глубоких общественно-политических исторических изменений “критика буржуазных теорий” исчезает, казалось бы, незаметно. По мере очищения от идеологических добавок она закономерно становится основой полноценной отечественной истории зарубежных социологических учений. В итоге даже такая “критическая стадия” вхождения в мировой социологический контекст была крайне важна и необходима для профессионального развития и теоретического самоосознания социологии и социологов в бывшем СССР и в Украине в частности.

Как свидетельствуют многочисленные, в том числе приведенные выше, примеры тематики социологических исследований, советской социологии в своих выводах иногда приходилось “подстраиваться” под предзаданные схемы-директивы типа “стирания социальных различий” между городом и деревней, умственным и физическим трудом или усиления социальной однородности советского общества и формирования “новой исторической

общности — советского народа”. Но уже в 1970–1980-х годах социологические исследования, проведенные профессионально добросовестно, обнаруживают множество расхождений и противоречий между декларируемой идеологически идеализированной картиной советского социалистического общества и настоящей социальной реальностью. Другое дело, что результаты и объективные выводы таких исследований почти не имели шансов быть опубликованными. Но, как бы там ни было, советская историческая стадия немало дала для развития социологии как науки в Украине. Было легализовано само понятие “социология”. Правда, в официальном советском обществоведческом корпусе наук социология не была “центральной дисциплиной”, а отношение к этой науке со стороны коммунистических идеологов часто отличалось предубежденностью и подозрением. Впрочем, появились люди, которые называют себя “социологами”. Одним словом, уже в конце 1960-х годов в СССР возникла (как и в какой форме — другой вопрос) целая отрасль научного знания, дальнейшая логика саморазвития которого неминуемо должна была привести к результатам, порой непредсказуемым для некоторых инициаторов развертывания центров социологических институций и социологического знания в советском обществе.

И хотя советская социология формировалась в полном соответствии с авторитарно-централистскими принципами организации всей общественной жизни, которые предполагали жесткое упорядочение и подчиненность единому центру — идеологическому, политическому, культурному и научному, именно в советский период в конце 1980-х — в начале 1990-х годов отечественная социология институционализировала свое существование как структура, как совокупность институтов и коллективов профессиональных социологов. Такие манифестации того времени, как развертывание научно-исследовательских социологических центров в структурах государственного и негосударственного подчинения, как основание отдельного Института социологии в системе АН Украины осенью 1990 года и организация отечественной социологической ассоциации, свидетельствовали об окончательной легализации профессионального и научного статуса отечественной социологии. Примерно тогда же был создан и новый факультет в Киевском государственном университете им. Т.Г.Шевченко, призванный готовить профессиональных социологов.

Отечественная социология в эпоху государственной независимости: достижения и проблемы развития

Представ как самостоятельная научная дисциплина независимого государства, украинская социология на своем новом этапе развития опять столкнулась с проблемой самоосознания. В отличие от социологов времен “советской реабилитации”, украинским социологам начала 1990-х годов не надо было начинать формирование науки с нуля. Они уже имели как минимум основу для функционирования науки — определенную материальную базу, формирующийся кадровый потенциал и устоявшуюся научную традицию советской социологии со всеми ее достижениями и проблемами. Вызовом времени оказалась потребность в переосмыслении этого наследия, трансформации социологии в по-настоящему объективную социальную науку, свободную от догм и идеологических предрассудков, потенциал и ориентиры развития которой должны быть адекватными общественным по-

требностям общества, которое само находится в состоянии трансформации. Вовлечение отечественной социологии в мировой социологический контекст было и остается актуальной частью этих задач.

Эти и другие ориентиры нового качества отечественной социологической науки требовали осмысления многих методологических вопросов, касавшихся ее дальнейшего развития как составной части мирового социологического знания. Уже в первые годы независимого существования отечественные социологи обозначают и актуализируют эти вызовы в своих работах [Танчер, 1993: с. 77–87; 1998: с. 18–27; Степаненко, 1993: с. 88–98; Мимандусова, Казаков, 1993: с. 247–252; Черниш, 1994: с. 122–129; Шульга, 2000: с. 170–177]. Пока же, не имея достаточной качественно проанализированной информации об этом чрезвычайно сложном и важном новейшем периоде развития независимой отечественной социологии, сложно формулировать категорические и непреложные выводы. Однако можно, хотя бы схематически, смоделировать образ современной отечественной социологической науки со всеми ее проблемами и неоспоримыми достижениями.

Как уже отмечалось, современная отечественная социология возникла на почве советской социологии, что позволяет очертить (помимо освещенных выше) характерные особенности советской социологии, которые в то же время оказались весьма выразительными “родимыми пятнами” молодой науки в новом независимом государстве:

- гуманистическая ориентация, живой интерес социологов к конкретному жизненному миру общества и личности;
- как следствие антиидеологического и антимифологического характера молодой научной дисциплины — настороженность по отношению к фундаментальному теоретическому мышлению, которое, казалось бы, не свойственно социологическому мировоззрению и к тому же “запятнано” связью с идеологемами советского времени;
- гипертрофированное внимание к техникам и методикам эмпирического социологического исследования, развитие количественно-математических методов и пренебрежение “качественными” методиками, а в итоге формирование канона и понимания социологии как сугубо инструментального знания, выводы которого должны основываться на эмпирически-статистических исследованиях.

Можно утверждать, что молодая украинская социология со времени ее формирования в советский период испытала более сильное влияние позитивистского, в частности американского, социологического канона, нежели европейских социологических традиций, в том числе “понимающей социологии”. Последние довольно часто, даже дисциплинарно, относили к сфере “социальной философии”. Скорее всего советской социологии да и молодой отечественной социологии в процессе их формирования и утверждения “не повезло” с временной принадлежностью. Учитывая инерцию адаптации зарубежного научного знания и подходов, отечественная социология оказалась под ощутимым влиянием наиболее развитой в послевоенный период американской традиции структурно-функционального анализа, которая ассоциируется с именем и творчеством Т. Парсонса, а отсюда и позитивистских подходов и представлений об этой науке.

К тому же отечественная социология, отбросив догматы марксистской методологической парадигмы и проявляя предубежденность к теоретичес-

ким обобщениям, оказалась особенно уязвимой в условиях универсальных процессов методологического кризиса социологической науки, распорошенности и множественности ее современных теоретических парадигм и таких проблем развития современной мировой социологии, как разрыв между социологической теорией и практикой, противоречия между микро- и макроуровневыми подходами, а также проблем теоретического синтеза и обновления классических традиций и т.п. [Танчер, 1993: с. 77–88]. Но, с другой стороны, это доказывает, что рецепция и воспроизводство общих для мировой социологии проблем развития отечественной социологией означает ее постепенную, хотя и медленную, интеграцию в мировое социологическое пространство и общий профессиональный контекст.

Имея за плечами определенный опыт независимого существования, украинская социология постепенно отходит от унифицированных стандартов социологии советской, создает собственное, уникальное лицо. Лучше всего это прослеживается при анализе ее наиболее весомых достижений и имеющихся проблем. Среди достижений отечественной социологической науки за этот период наиболее весомыми являются:

- завершение основного этапа институционализации социологии как полноценной области научных знаний, научной дисциплины и сообщества профессиональных социологов (факультеты и специализации в рамках подготовки специалистов по социологии в вузах, социологическая номенклатура ВАК, создание Социологической ассоциации Украины, отдельных профессиональных социологических периодических изданий, в первую очередь научно-теоретического двуязычного журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”, основанного Институтом социологии НАН Украины в июле 1997 года (публикации научных социологических работ и т.п. [Резник А., Резник В., 2004: с. 22–46];
- формирование профессиональных принципов и ценностей в социологическом сообществе и деятельности социологов — в частности, разработка профессором Н.Паниной и другими ведущими социологами Украины “Кодекса профессиональной этики социолога” [Панина, 2004: с. 5–8];
- формирование сети профессиональных общенациональных социологических центров опроса общественного мнения (Социс-Геллап, КМИС, центр “Социальный мониторинг”, Ukrainian sociological service, социологическая служба при Центре им. А.Разумкова и др.);
- систематические эмпирические исследования процессов трансформации украинского общества (в частности, уникальный проект Института социологии НАН Украины “Мониторинг украинского общества”, реализуемый с 1992 года) — этот и другие социологические проекты стали эмпирической почвой для формирования целого комплекса теорий среднего уровня трансформирующегося общества, сформулированных современными украинскими социологами;
- развитие сравнительных международных социологических исследований с участием отечественных социологов, в которых представлено украинское общество и общественное мнение населения страны по различным проблемам (в 2004–2005 годах важным достижением в этом направлении стало первое приобщение Украины и отечественных специа-

листов к масштабному европейскому сравнительному социологическому исследованию *European Social Survey*, в котором участвовали более 20 стран-членов ЕС;

- весьма успешными оказались рецепции и адаптации мировой социологической теории (современная и постмодерная социологическая теория, представленная подходами таких авторитетных современных теоретиков, как Э.Гидденс, П.Бурдье, У.Бек, З.Бауман, Дж.Александр, И.Валлерстайн и др., адаптация социологической теории конфликтов, социологии культуры, мир-системного анализа, изучение проблем глобального общества и новых информационно-коммуникационных технологий, трансформации социальных структур, нового институционализма, “сетевой” теории, социологических проблем гражданского общества и т.п.);
- повышение качественного уровня социологических исследований и расширение их предметного поля в отечественной социологии (история, теория и методология социологии, социальные структуры и институты, проблемы трансформации, социология культуры и массовых коммуникаций, электоральная социология, политическая социология, экономическая социология, аграрная социология, этносоциология и т.п.).

Качественная трансформация предметного поля отечественной социологии не только свидетельствует о ее успешном утверждении как полноценной и актуальной научной дисциплины, но и выявляет определенную логику и этапы ее развития, связанные с самой динамикой трансформирующегося общества. Если схематически рассмотреть тематический репертуар украинской социологии в советский период и характер его современного обновления, то можно сделать ряд выводов.

В условиях изменения системы распределения труда в результате советской индустриализации, неожиданных стихийных социальных движений и роста потребности советской государственной бюрократии в точной информации о мотивационной структуре социальных изменений, учитывая дискредитацию потенциала исторического материализма в начале 1960-х годов, возобновляются эмпирические социальные исследования, предметом которых становятся социальная структура советского общества, культурно-технический уровень рабочего класса, бюджет времени, социальные проблемы труда, образования, семьи.

Постепенно практическая дифференциация и специализация социологических исследований обусловили оформление ряда отраслей социологии: социологию труда, семьи, молодежи, свободного времени. В 1970-х годах значительное внимание начинают уделять проблемам социального планирования и социального управления, формируются достаточно качественные теоретико-методологические основы социальной психологии. Правда, из сферы социологического исследования искусственно были исключены все острые проблемы советского общества, существование которых противоречило официальному идеалу социализма, например, возрастание национализма, усиление власти партноменклатуры, отсутствие правовой безопасности, проявления девиантного поведения и т.п. Такая ситуация продолжалась до середины 1980-х годов, когда в условиях “перестройки” и реформирования обострилась потребность в расширении объемов, качества и содержания теоретической и эмпирической информации. В постсоветский

период в украинской социологии сохраняется доминирование прикладных исследований, однако изменяется их тематика. Основой предметной сферы современной украинской социологии становятся социально-политические проблемы, электоральное поведение и потребительские рынки.

На фоне успехов комплекс имеющихся проблем предстает не менее важным фактором формирования отечественной социологии. Вместе с тем их осознание и выработка механизмов оптимального решения — настоятельная задача современных и будущих профессиональных социологов. Обозначим лишь некоторые проблемные поля, которые можно охарактеризовать как “проблемы роста” и которые все еще дают о себе знать в отечественной социологии.

Процессы институционализации общественного мнения как полноценного общественного актора и контролера власти продолжаются, происходит драматическое формирование гражданского общества в Украине. В итоге в обществе до сих пор не вполне актуализировалась общественная потребность в объективном социологическом знании.

В отечественной социологии все еще имеет место невнимание к теоретическим обобщениям и к социологической теории вообще — продолжает срабатывать устойчивый стереотип о социологии как сугубо эмпирической науке, которая якобы не должна “отягощаться” концептуальным теоретизированием, а скорее призвана снабжать “эмпирически-статистическим сырьем”. Впрочем, как и многие другие, эта проблема является общей для постсоветской социологии. Авторитетный российский социолог В.Ядов среди факторов, влияющих на формирование тенденций развития постсоветской социологии, первым называет “традиции советской социологии”, в частности попытки объяснить эмпирические данные с позиций монотеории с дальнейшими попытками формулирования практических рекомендаций [Ядов, 1995: с. 5–9]. Безусловно, украинская социология подобного рода “советские комплексы” также не преодолела.

Потребность в продуцировании собственных теорий и концепций трансформирующегося общества остается актуальной. Российская исследовательница С.Барсукова [Барсукова, 1999: с. 104–112], описывая аналогичные проблемы в современной российской социологии, отмечает преграды, вставшие перед социологией в новых условиях (мы считаем, что схожие трудности актуальны и для украинской социологической науки). Во-первых, отдельные социальные связи и социальные процессы “уходят в тень”, а такие “теневые” (даже в буквальном смысле) социальные и, особенно, политические и экономические процессы объективно усложняют возможности социологии в плане их изучения и анализа; во-вторых, по сравнению с советским обществом, более стабильным, современное общество динамичнее во всех сферах. Таким образом, социология оказывается перед проблемой “эффекта запаздывания”, что снижает ее практическую значимость. Очевидно, что социологи должны не только объяснять социальные процессы и динамику. На современном этапе развития общества, все еще находящегося в глубинной трансформации, вопрос научного прогнозирования социальных процессов становится весьма актуальным.

Противоречивыми для развития социологической науки и экспертизы являются также побочные последствия их коммерциализации — непрофессионализм и дилетантство многочисленных “рекрутов от социологии”, отсутствие теоретико-методологической базы исследований, субъективизм

и опасности политического манипулирования. В уже упоминавшейся статье В.Ядов справедливо отмечает по поводу противоречивых проблем вовлечения постсоветской социологической науки в рыночные отношения: “Это процесс противоречивый. Его позитивная сторона — конкуренция профессионализма. Все же многие из достойных исследователей заслужено получают поддержку в виде научных грантов и заказов на исследования, а малопрофессиональные вынуждаются обстоятельствами либо подтягиваться, либо бросить это дело и заняться чем-нибудь другим. Негативное следствие — прямой результат сегодняшней рыночной стихии в экономике. Как и в бизнесе, в среде социологов образуются “корпорации, делающие свой продукт” из ничего, но тем не менее процветающие до поры до времени, пока их клиенты не обнаружат надувательства” [Ядов, 1995: с. 5–9].

Актуальной проблемой развития отечественной социологии остается дальнейшее практическое воплощение профессионально-этических стандартов, соблюдение принципов и ценностей социологической науки, сформулированных в “Кодексе профессиональной этики социолога”. Особо острыми оказались вопросы взаимоотношений социологии и власти и выработки оптимального формата их взаимодействия [Соціологічне знання та влада, 2005]. Проблема взаимодействия социологии и власти не нова и актуальна не только для посттоталитарных обществ. Как мы отмечали, позиция власти была одним из определяющих факторов развития социологии в советское время [Фирсов, 1994; Российская социология 60-х гг., 1999; Shlapentokh, 1987]. Не удалось избежать проблем в плоскости отношений “*социология versus власть*” и в период независимости.

С одной стороны, украинская власть и отечественная социология все больше осознают объективную взаимозависимость друг от друга: эффективное управление не может не опираться на определенные обобщения, объяснения и прогнозирование, вырабатываемые наукой, которая не может существовать без поддержки (материальной, ресурсной, символической, статусной и т.п.) со стороны властных структур (здесь тезис М.Фуко о взаимопревращении или имманентности знания и власти очень актуален). Свидетельством признания важности социологической науки в процессах общественных трансформаций является Указ Президента Украины “О развитии социологической науки в Украине” от 25 апреля 2001 года, имевший целью “создание благоприятных условий для развития социологической науки в Украине, повышение ее роли в осуществлении социально-экономических и политических реформ, укреплении демократических основ общества и обеспечении прогнозируемости общественных процессов”. Правда, многие хорошие положения этого Указа, в частности о финансовой поддержке социологических исследований со стороны государства, до сих пор остаются декларативными.

С другой стороны, социальное знание во властном употреблении нередко служит способом контроля и манипуляции ради сохранения и воспроизводства социального порядка и действующей системы власти. Социологию все еще часто воспринимают и власть и политики сугубо утилитарно, а иногда — как новое эффективное средство манипуляции общественным мнением. Как справедливо заметила Наталия Панина, “в современной Украине, как и в большинстве других стран, интерес власти к социологии довольно специфический, отмеченный такими характерными особенностями, как “сезонный характер” (интерес к социологии пропадает после закрепле-

ния во власти), “личностность” (интерес концентрируется на измерениях политических рейтингов) и “публичность” (интерес к представленным социологами результатам проявляется только к уже обнародованным результатам)” [Панина, 2005: с. 146]. Сомнительная роль псевдосоциологии как политехнологического орудия “черного PR” и фальсификации реального волеизъявления избирателей в политически заказанных исследованиях особенно ощутима во время выборов в стране. В таких ситуациях хрупкие конвенциональные грани между наукой и политикой, истиной и интересом, моралью и нечестной игрой становятся особенно впечатляющими.

Эти проблемы подтверждают, что роль социального (в том числе социологического) знания в условиях трансформирующегося общества, является двойкой: оно способствует социальной эмансипации, демократизируется и демократизирует. Одновременно социальное знание в его использовании властью часто служит эффективным средством социального контроля и манипуляций общественным мнением. В такой ситуации особо повышается социальная и моральная ответственность социологов как профессиональных экспертов, которые вырабатывают и распространяют социальное знание — давний идеал сочетания знания и гражданской добросовестности становится для отечественной социологии требованием времени.

Перспективы развития отечественной социологии в контексте мировой науки: от критики и рецензий к диалогу

Перспективы развития отечественной социологии как объективной и полноценной науки со своим оригинальным голосом в контексте мировой социологии зависят не только от личностей, практикующих социологию, от существующих институтов и отношения власти к перспективам ее развития, но и от общественных потребностей и требований по отношению к этой науке. Сможет ли украинское массовое сознание окончательно преодолеть мифологизированное восприятие социальной реальности? Перерастет ли оно состояние общественных *настроений* и сумеет ли превратиться в *полноценное общественное мнение*? В какой мере нужны будут обществу и власти объективная информация и знание о себе? Будущие перспективы развития отечественной социологии в значительной мере будут зависеть от утвердительных ответов на эти и другие важные вопросы.

Современные тенденции украинского общественного развития вселяют надежду. Большинство социологических оценок фиксируют распространение трезвого отношения среди людей и их желание жить в реальном мире. По-настоящему научная социология может и должна помогать в этом. К тому же такие черты национальной психологии, как традиционная склонность к здравому смыслу и развитое чувство реальности, тоже могут быть благоприятными факторами распространения и дальнейшего утверждения объективного социологического знания в Украине. Пробуждение в обществе процессов общественной самоорганизации, рост политической культуры населения, а также актуализация общественной потребности в самопознании, в объективной информации касательно природы и механизмов функционирования социума и власти ставят перед отечественной социологией реальные задачи в плане ее дальнейшего развития. Хотя, безусловно, наука сама по себе не гарантирует решения той или иной общественной проблемы. Ее задача — скорее объективная диагностика и прогнозирование общест-

венных процессов, а также очерчивание возможных путей их решения. Другое дело, что роль социологов как социальных экспертов в предложениях обществу и властям должна в таких условиях непременно возрастать.

Отечественная социология, несмотря на бурный период своего становления и развития уже в независимой Украине, пока остается молодой наукой. Как отмечалось, многие ее проблемы связаны с “трудностями роста”, а также со сложными процессами оптимизации и трансформации научного знания и его роли в новой общественно-политической ситуации. Логика дальнейшего развития отечественной социологии, ее вхождения в мировой научный контекст, на наш взгляд, может объединять как минимум три связанных между собой направления.

Первое касается попытки оживления и тщательной реконструкции лучших достижений собственной прерванной протосоциологической традиции и осмысления наследия советской социологии. Тут есть немало такого, что до сих пор не утратило своей значимости, если принимать во внимание его органичную вмонтированность в национально-культурный контекст. Имеем в виду социологические идеи М.Драгоманова, А.Потебни, М.Грушевского, Н.Шаповала, Б.Кистяковского, С.Подолинского, В.Липинского, достижения отечественной этнографической школы.

Второе направление связано с изучением и адаптацией мировых социологических традиций, привитием многих теоретических школ и направлений. Иными словами, для превращения социологии в полноценную науку отечественным ученым следует активнее открываться для разных идей и взглядов, развивать формат не только рецепций и адаптации социологического знания, но и диалога (а то и *полилога*). Формирование собственного “социологического голоса” и активная деятельность по репрезентации его на мировой социологической арене, организационное внимание к международному сотрудничеству, развитие международных проектов, приобщение к научной жизни мирового социологического сообщества — важные аспекты реализации этой стратегии.

Наконец, третье направление предполагает максимальное использование отечественными социологами уникальных обстоятельств пребывания в общественной “живой лаборатории” и должно воплощаться в дальнейшей разработке теорий и концепций переходных обществ во всех самых широких аспектах глубинной и широкомасштабной социальной трансформации в сочетании ее с мировой общественной динамикой.

Внимание государства к развитию социологической науки как индикатору и стимулятору демократизации общества, создание ситуации здоровой конкуренции в социологической науке, меритократические подходы к ее развитию, поддержка творческой профессиональной молодежи, насыщение отечественного социологического рынка новыми идеями и подходами, дальнейшее активное приобщение отечественной социологии к мировому социологическому сообществу, соблюдение этико-профессиональных норм социологических исследований, забота о повышении социологической культуры общества и власти, утверждение прав интеллектуальной собственности на достижения социологических исследований — вот далеко не полный перечень важных факторов дальнейшего развития отечественной социологической науки.

Литература

- Альберг Р.* Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж. — 1994. — № 5. — С. 88–114.
- Батыгин Г.С.* Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. — М., 1998. — С. 23–38.
- Барсукова С.* Болезни роста российской социологии // Рубеж. — 1999. — № 13–14. — С. 104–112.
- Бурлачук В., Молчанов М., Степаненко В.* Біля витоків соціологічної думки в Україні. — К., 1996.
- Документальный архив Института философии НАН Украины (ДАИФ).
 Історія АНУ. 1918–1993 / За ред. Б.Є.Патона. — К., 1993.
- Кондратик Л.Й.* Історія соціології України в іменах. — Луцьк, 1996.
- Мимандусова Г., Казаков В.* Состояние социологической науки на начальном этапе постсоветской истории // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 7–8. — С. 247–252.
- Новикова С.С.* Социология: история, основы, институционализация в России. — М.; Воронеж, 2000.
- Оситов Г.В.* Возрождение российской социологии (60–90-е годы XX века): страницы истории // Социологические исследования. — 2004. — № 2. — С. 25–30.
- Панина Н.* Профессиональная этика и социология в Украине (к принятию Кодекса профессиональной этики социолога САУ) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 5–8.
- Панина Н.* Экзит-полл в Украине 2004 года: социология или политика // Соціологічне знання та влада: суперечливі взаємовідносини соціологічних досліджень і політичної практики. — К., 2005. — С. 146–169.
- Пугачева М.Г.* Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР (1968–1972) // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 158–172.
- Резник А., Резник В.* Украинская социология после 1991 года // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 22–46.
- Рибичун О.* Українська соціологічна асоціація: радянський період діяльності // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць : У 2-х т. — Харків, 2006. — Т. 1. — С. 341–351.
- Российская социологическая традиция 60-х годов и современность: Материалы симпозиума 23 марта 1994 года / Под ред. В.Ядова, Г.Гратхоффа. — М., 1994.
- Российская социология 60-х гг. в воспоминаниях и документах / Под ред. Г.С.Батыгина. — М., 1999.
- Соколова Г.Н.* Возрождение социологии в 60-е годы // История социологии : Учебное пособие / Под ред. А.Н.Елсукова и др. — Минск, 1997.
- Соціологічне знання та влада: суперечливі взаємовідносини соціологічних досліджень і політичної практики / За ред. В.Танчера, В.Степаненка. — К., 2005.
- Социология на Україні / За ред. Л.В.Сохань. — К., 1968.
- Степаненко В.* Украинская социология в поисках себя // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 11–12. — С. 88–99.
- Танчер В.* Социологическая мысль Украины на фоне мировой социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1998. — № 1–2. — С. 18–27.
- Танчер В.* Украинская социология сегодня — нелегкий путь к теории // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 11–12. — С. 77–88.
- Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов : Курс лекций. — СПб., 2001.
- Чагин Б.А.* Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969). — Л., 1971.
- Черниш Н.* Соціологічні дослідження українських вчених на еміграції // Современное общество. — 1994. — № 1. — С. 122–129.

Черниш Н. Соціологія : Курс лекцій. — Львів, 2004.

Шульга Н. Украинская социология в поисках самоидентичности // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 2. — С. 170–177.

Ядов В. Куда идет российская социология? // Социологический журнал. — 1995. — № 1. — С. 5–9.

Shlapentokh V. The Politics of the Sociology in the Soviet Union. — Boulder; London, 1987.

Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. — Minneapolis, 1999.

Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Ninetenth Century Paradigms. — Cambridge, 1991.